

В ЧАСВДОХНОВЕНЬЯ

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Есть такие женщины: улыбка у них дозерчивая, но гордая, осанка вроде бы и не бросается в глаза, как бывает, когда человек не хочет выделиться, но в ней — особая стать, красота и плавность. Такова Людмила Орлова. За внешними, мягкими и сдержанными ее чертами можно угадать большое внутреннее достоинство, решительное стремление сказать в жизни свое слово.

Она всегда мечтала о профессии актрисы, уверившись, что здесь может быть полезной людям.

В эту студию театра рабочей молодежи не объявлялся всесоюзный конкурс. На нужно было сдавать документы. Сюда, в саратовский Дом культуры «Мир», приглашались все желающие. Были приемные экзамены, их вел комиссия из актеров драматического театра. Были абитуриенты — рабочие, студенты, вчерашние школьники, и среди них — Люся Орлова, чертежница научно-исследовательского института. Взволнованная, сосредоточенная, со всей решительностью переступила она порог экзаменационной комнаты. Вошла, поздоровалась за руку с членами комиссии — на разных. Руководитель студии предложил ей прочесть басню.

«Сейчас они услышат... Я могу... Я читала эту басню тысячу раз...». Но, видимо, от волнения пропал голос. «Как же так, товарищи? Это несправедливо...» — шептала Люся. По щекам катились крупные слезы, она вышла, но ее вернули, предложили сыграть этюд без слов, и когда Люся мысленно проводила удаляющийся в ночи поезд и осталась совсем одна, члены комиссии зааплодировали.

Студия работала по программе театрального училища. Преподавались история театра, сценическое движение, грим, мастерство актера. Одновременно готовились спектакли. У педагогов к Орловой было какое-то особое внимание, она умела работать с гораздо большей отдачей, чем другие. Вскоре на конкурсе народных театров в Москве ректор Театрального училища имени Б. Щукина — Б. Захава отмечает Орлову как одну из талантливых самодеятельных актрис, говорит о ее своеобразном драматическом мастерстве. И Людмила прослаивается с родной студией, поступает в Государственный институт театрального искусства имени А. В. Луначарского.

Ее профессиональный творческий путь начался в Вольске, в маленьком городском театре, где был очень напряженный рабочий план, ограниченное число репетиций. Но зато за один сезон можно было сыграть в десяти—двенадцати спектаклях, выступить в самых разноплановых ролях. Это как нельзя лучше устраивало удивительно работоспособную актрису. Ее увлекала импровизация и на репетициях, и по ходу спектаклей. Актрисы, играющие с ней, испытывали неудобства, когда она ломала привычные мизансцены, пытаясь внести в спектакль что-то новое. Актриса спорила, доказывала, что только так можно добиться живого, сиюминутного общения, как, собственно, и делается во многих наиболее интересных театрах. Но от нее требовали четкого графического рисунка роли, устраивающего всех... В то же время, когда Орлова оставалась на сцене одна и могла безбоязненно вносить в образ какие-то новые штрихи, ее коллеги задерживались за кулисами, не спешили в примерные... Многие из них знали, каким

большим трудом достигалась эта импровизация.

Постепенно приходил опыт. Была сыграна Татьяна в спектакле «Враги» М. Горького, арбузовская Таня, Нина в чеховской «Чайке» — роли, требующие огромной работы, незаурядного ума актрисы, фантазии. До предела сжималось время, происходил мучительный поиск правдоподобия. Иначе зачем призвание?

В нашем карагандинском

театре актриса сыграла Наталью в «Усыятских шлемоносцах» по повести Е. Носова, Анну в «Ричарде III» Шекспира, Надежду Константиновну Крупскую в революционном этюде М. Шатрова «Синие кони на красной траве». Ее героиней стала и знаменитая Эдит Пиаф из спектакля «На балу удачи». Роли разные, но все они наполнены глубоким содержанием, в каждом образе — духовная чистота, красота. Ее героини — живые, правдоподобные. Актриса словно бы разрушает сценическую условность, зритель безусловно верит каждому ее слову, жесту, молчанию. Мы не знаем, как это происходит, мы только догадываемся, что есть у актрисы какое-то особое чувство восприятия чужой жизни, чужих переживаний, умение сделать их неотделимыми от себя.

В пьесе М. Шатрова Надежде Константиновне Крупской отведена одна картина — разговор с Кларой Цеткин. Крупская говорит о культуре будущего. Какая спокойная уверенность в правоте своих слов, какая искренняя доброта и внимание к госте! Простая, умная, очаровательная хозяйка дома...

Эдит Пиаф в пьесе проживает долгую жизнь, она познает бедность, унижения — и вершину славы. Образ Пи-

аф несет громадную нагрузку — нужно не умереть от отчаяния и безысходности в пору неудач и личных трагедий, выстоять в славе... «Я не пойду туда, — кричит Пиаф, когда ее приглашают петь. — Я не могу больше! А вдруг опять не выйдет...». Она не верит в чудо. Но чудо происходит. Певицу слушает метр... Орлова не поет, она комментирует голос Пиаф выражением лица, движениями, всей своей душой, и происходит удивительное — мы не чувствуем подмены... Конечно, именно так все и происходило в Париже на площади Пигаль, когда Франция открыла свою великую эстрадную певицу.

Сейчас актриса работает над ролью Филицианы в пьесе великого испанского драматурга Лопе де Вега «Учитель танцев». Ставит спектакль главный режиссер театра Н. А. Воложанин. «Работать с Орловой интересно, — говорит он. — Эта актриса всегда в поиске, у нее — большие творческие возможности. Самое страшное для нее — быть похожей на других, пусть даже известных исполнителей ее ролей». Верится, что карагандинские зрители увидят вдохновенный, романтический, красочный спектакль, и еще одна встреча на сцене с актрисой Людмилой Орловой принесет им радость.

Н. СОЛДАТОВА.

НА СНИМКЕ: актриса Людмила ОРЛОВА.